

Е.П. Педчак

Волк

Основным мотивом в тексте стихотворения М. Цветаевой «Волк» становится поговорка: «Сколько волка не корми — он все в лес смотрит», а также соответствующие фразеологизмы: «травленный волк», «волк в овечьей шкуре», «смотреть волком», «хоть волком вой».

Это стихотворение еще раз подтверждает, что поэзия Цветаевой тысячами нитей связана с русской землей, с культурой России, ее фольклором, родным языком. В ее поэзии много образов, традиционных для русской культуры. Часть из них опирается на символику — птиц и животных (сокол, сова, ворон, собака, овца), существующую в системе общенародного языка и языка фольклора.

Одним из таких образов-символов является «волк». Этот образ присутствует и в данном стихотворении.

Как видим, стихотворение повествует о расставании героини с *волком*, которого она любила, но не смогла удержать. Образ животного поддерживается словами *лапы, шерстка, шкура, клык*. Упоминаются и атрибуты охоты на волка (*на вас с кремнем-огнивом в лес ходить*). Да и уходит (*убегает*) персонаж от лирической героини в привычное место обитания — *лес*. Но неожиданно у *волка* обнаруживается человеческая черточка во внешности — *седина*. Этот штрих сразу позволяет оценить все стихотворение как развернутую метафору с исходным образом *волк* — «человек, имеющий сходство с волком».

Обратимся далее к особенностям текста, связывающим его не просто с образом волка, а с конкретным изречением.

Намек на поговорку поддерживается как лексико-фразеологическим составом стихотворения, так и всей системой стилистических фигур текста. С одной стороны, это фрагменты, описывающие отношение лирической героини к волку в недавнем прошлом: *было дружбой, перегладила по шерстке* и т. д. С другой — это словосочетания, изображающие поведение волка: он *стосковался по тоске*, тяготится дружбой, которая ему *не дар, а долг*. Кроме того, во втором и предпоследнем четверостишиях возникает образ того, кто уходит, убегает: в первом случае за счет повторения разных словоформ одного слова (*Заедай верстою версту, Отсылай версту к версте*), во втором — за счет выражения *Уноси свои седина*, перекликающегося с фразеологической единицей *уносить ноги* («убегать, удирать»).

Все эти элементы текста вызывают в памяти поговорку: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит».

Итак, поговорка становится смысловым центром стихотворения.

Вывод о необратимости разлада, разрыва дан уже в первой строфе, сначала в антитезе «*было дружбой, стало службой*» (вспомним соответствующую фразеологическую единицу *не в службу, а в дружбу*, которая противопоставляет искреннее, теплое отношение к человеку, заставляющее поступиться чем-либо для его блага, и холодное, равнодушное, ведущее мелочный счет каждой оказанной услуге), а затем в олицетворении *поддыхает наша дружба*. Героиня осознает ту изначальную пропасть, которая лежала между нею и любимым. О том, что они и не могли быть вместе, говорит фраза, сообщающая о предопределенности вражды свыше: «*на вас с кремнем-огнивом, в лес ходить — как Бог судил*». Между тем сама героиня готова пренебречь волей судьбы. Женская — нежная, слепо любящая душа страдает от невозможности полностью уберечь, оградить от всех бед и неприятностей любимого. Героиня забывает о себе как о личности, она — просто одна из обыкновенных женщин.

Лирической героине горько сознавать необратимость разрыва, но она смиряется, понимая, что сущность волка изменить нельзя. Поэтому, обращаясь к нему, она признается, что не держит на него зла (*«не взвожу тебя в злодеи»*), винит лишь себя (*«не твоя вина — мой грех»*). Дважды повторенная фраза *«Бог с тобою, брат мой»* становится как бы формулой прощания и прощения.

Интересно, что в первый раз в этой фразе фигурирует обращение *волк*, во второй — *клык*. Слово *клык*, думается, не было случайным. Его появление помогает закрепить впечатление оскалившегося, рычащего огрызающегося, враждебно настроенного зверя, которого утомила чрезмерная чужая привязанность, ласка, забота. Ценой любви для волка оказывается утрата свободы. И эта цена для него слишком высока.

Итак, стихотворение системой образов (*волк* и лирическая героиня), сюжетом (прощание с убегающим волком) и, наконец, лексическим составом (*волк, перекармливаю, лес*) перекликается с пословицей: *«Как (сколько) волка ни корми, он все в лес глядит (смотрит)»*.

Цветаева использует оба плана: образный (опирающийся на прямое осмысление семантики пословицы) как исходный, на котором строится изобразительно-выразительная сторона стихотворения. Второй план — метафорический, как мысль, заложенную в стихотворении: чужого по духу, эгоистичного, не любящего тебя человека невозможно расположить к себе, а поэтому не стоит пытаться переделать его.

Конечно, идею стихотворения нельзя свести только к морали, которая содержится в пословице.

Лирическая героиня соглашается с народной мудростью, признавая ее правоту. Но главное в тексте — не само событие, не произошедший разрыв с любимым, а отношение героини к свершившемуся в ее собственной душе. Она досадует на себя (*«ненасытностью своею перекармливаю всех»*), на свою слепую любовь (*«перегладила по шерстке»*), а ведь фразеологизм *«гладить по шерстке»* означает «говорить или делать что-либо в соответствии с чьим-либо желанием, в угоду кому-либо»; таким образом, героиня признается, что слишком безоглядно потакала любимому.

Героиня не собирается ничего предпринимать для возвращения волка (*«удержать — перстом не двину»*), но не только потому, что ее усилия могут оказаться тщетными (*«перст — не шест, а лес велик»*). В женщине говорит чувство обиды. Она не хочет унижаться до мольбы, стремится выбросить предавшего ее любовь даже из подсознания (*«и во сне не вспомяну»*).

Емкость поэтического слова и фразы здесь поистине бездонна. Внимательный читатель оценит и необычное сочетание слов (*«заедай верстою версту, отсылай версту к версте...»*); и эллипсисы со знаменитыми цветаевскими тире, так много в себя вмещающими; и глубокие паузы внутри строф; и пропитывающую все стихотворение анафоричность.